

пуска. Это частично компенсировало отсутствие каникул и сложность учебных курсов.

Лицейский культ в лирике Пушкина был рожден не только ностальгией по ушедшей юности. Многие выпускники вспоминали, что затворничество молодежи при всех своих недостатках способствовало тому созерцательному направлению, которое получила духовная жизнь воспитанников. Уход в мир книг, научных и литературных интересов помогал коротать «годы заточения», что особенно было необходимо в унылые и долгие зимние вечера.

Пушкин посвящает лицейской библиотеке поэму «Городок». Он же вспоминал, как А.И. Дельвиг охотно разыгрывал роль «беспечного ленивца», проводя время в аллеях Царскосельского парка в беседах с товарищами о прочитанных новинках словесности. С.П. Шевырев писал в «Воспоминаниях о Пушкине» со слов поэта, что чтение европейских журналов, где со времени энциклопедистов политика и словесность сплетались воедино, накладывало неизгладимый отпечаток на быт и образ мыслей лицейцев. В своих играх они устраивали «парламентские палаты», спорили, «говорили речи», «...вообще свободы было очень много».

Эволюция лицейской атмосферы в сторону официальной парадности началась с 1822 г., когда Лицей был временно переведен в подчинение военному министерству и частично переориентирован на подготовку кадровых офицеров. «Лицейские досуги» приобрели более планомерный характер и не мыслились без строгого контроля за состоянием умов дворянской молодежи. Апулей более не предпочитался Цицерону. Муза поэзии навсегда оказалась изгнанной из царскосельских садов.

1. Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники // Грот Я.К. Труды. Т.3. СПб., 1901. С.3-30.

2. Подробнее см.: Соколова Е.С. Юридическое образование русских дворян как элемент сословной политики абсолютизма начала XIX в. (на примере Императорского Царскосельского Лицея) // Историко-юридические исследования российского и зарубежных государств. Екатеринбург, 1998. С.36-41.

**Солодкин Я. Г.
(Нижевартовск)**

О причинах возникновения сибирского летописания

Вскоре после учреждения архиепископии с центром в Тобольске, между 1621/22 (когда, видимо, появился синодик «ермаковым казакам» (далее - С) и началом осени 1636 (тогда владычный дьяк Савва Есипов завершил работу над Основной редакцией «Повести о Сибири и о сибирском взятии») гг., в новом «царстве» московских государей, прежде подвластном Кучуму, зародилась летописная традиция. (Утверждение, будто это случилось в кон-

це первой четверти XVII в. (1), неточно. Мысль же о возникновении особой ветви русского летописания в 1636 - 1640 гг., когда во главе Тобольского архиерейского дома находился «пустынник» Нектарий (2), представляется маловероятной, поскольку Есипов, по его признанию, лишь «распространил» какое-то сочинение о завоевании казачьей «дружиной» «Сибирстей земли»).

Ранние сибирские летописи считаются «первой серьезной попыткой местного самосознания понять и оценить присоединение» «Закаменской страны» к России «в наиболее традиционной, типичной для этой цели форме». Так, в глазах Есипова «взятие» ермаковцами «Кучумова юрта» было предопределено свыше; подчиняя «нечестивых» православному царю, отряд казаков выполнял божественную миссию. Дьяк трех кряду тобольских архиепископов стремился запечатлеть становление христианства в самых отдаленных владениях московских государей. Недаром он обещал рассказать о чудесах Богородицы, «иде же содеяшася во дни и р[о]да наша», т. е. явлениях вдове Марии Абалацкой иконы (3). Кстати, еще в послесловии к Триоди Цветной 1591 г. в числе «новопросвещенных земель» помимо Казани и Астрахани названа Сибирь, которая так же представлена в Есиповской летописи (далее - ЕЛ) (4).

На взгляд В. Г. Мирзоева, первые сибирские книжники старались доказать правомерность похода Ермака, «идеологически утвердить» присоединение к России ханства Кучума. Есипов, - думалось известному историографу, - стремился прославить недавно учрежденную архиепископию, укрепить ее каноническую базу (5). Последнее заключение сомнительно хотя бы потому, что ЕЛ, как выяснено Е. К. Ромодановской, не может быть признано житием Ермака, а приведенный владычным дьяком С, даже если причислять этот «помянник» к агиографической литературе, вторичен относительно известной с 1970 г. другой разновидности перечня атаманов и казаков, павших в боях с «погаными». О создании же тобольской владычной кафедры в ЕЛ лишь упоминается (подобно Строгановской летописи и Пискаревскому летописцу).

Е. К. Ромодановской начало сибирского летописания кажется следствием признания особого места зауральских уездов в составе Российского государства (6). Думается, исследовательница не избежала преувеличения. В оценке Д. С. Лихачева даже в русской литературе эпохи феодальной раздробленности не обнаруживается стремления к самостоятельности и замкнутости в рамках отдельных земель, проявления сепаратизма, налицо единообразие нравственных идеалов и политических тенденций (7). В С, ставшем источником ЕЛ, «Сибирское взятие» приурочено к «самодержавству» Ивана IV, желая «послужити» которому, вольные казаки якобы и двинулись за Урал. Именно «праведною молитвою ко всещедрому Богу и счастием» Грозного, оказывается, было покорено еще одно татарское ханство. Об этом сказано и в ЕЛ, где говорится также о сеунчиках, отправленных в Москву Ермаком, «посылке» туда Маметкула, появлении в Сибири государевых воевод, основании ими Обского городка, Тюмени и Тобольска, учреждении при

Михаиле Федоровиче сибирской архиепископии, т. е. присоединение к державе Ивана Васильевича и его преемника новой страны рассматривается в русле событий российской истории, тем более, что этот «юрт», оказывается, был завоеван «русским полком» ради утверждения здесь христианской веры (давно восторжествовавшей в европейской части Московского царства). К тому же летописи велись в окружении далеко не каждого владыки. Так, в нашем распоряжении нет сведений о произведениях в форме повременных записей, которые в первой половине «бунташного века» вышли из резиденций казанского и ростовского митрополитов. Свообразие же Сибири как «далечайшей государевой вотчины» (при том, что там подобно «Руси» возникли города, села и деревни, были выстроены церкви, появились воеводы, а «на житье» - «литва и немцы»), отмечалось еще в дипломатической документации рубежа XVI - XVII столетий (8).

Н. А. Миненко считает, что в ЕЛ действия ермаковцев по распространению христианства за «Камнем» отождествлены со становлением тут царской власти (9). Точнее, речь должна идти не о насаждении казаками православия, а подчинении ими местных жителей русскому государю. Как читаем в ЕЛ, победив Кучума, прославленный атаман и его сподвижники под «царскую высокую руку привели многих ... иноземцов» (10).

Со ссылкой на старшую рукопись Ремезовской летописи (далее - РЛ) некоторые исследователи полагают, что «Повесть ...» Есипова возникла в связи с установлением Михаилом Федоровичем, Филаретом и освященным собором 16 февраля 1636 г. общерусского прославления Ермака (ранее предводитель знаменитой экспедиции и его соратники поминались только в Софийском соборе «первоимяниного града» Сибири) (11). Однако другие источники, включая ЕЛ, не подтверждают версию о том, что с поставлением Нектария в Тобольск культ «велеумнаго» атамана вышел за пределы нового «царства» московских самодержцев. Отметим также, что РЛ свойственно обилие анахронизмов, а в 1636 г. патриархом «всея Руси» являлся не Филарет, а Иоасаф.

Изображение Ермака и его сподвижников в С (составленном по инициативе «первопрестольника» Киприана, едва ли с санкции «великих государей») и ЕЛ христианскими просветителями края, ставшего вскоре восточной окраиной Московского царства, свидетельствует о том, что зарождение летописной традиции в стенах тобольского Софийского дома определялось прежде всего его собственными потребностями. Православие в «Сибирстей стране» утверждалось не без труда, в том числе среди «приборного» люда, и пример атаманов и казаков, одолевших «бусурманского» хана, мог произвести соответствующее впечатление на их потомков и тех, кто нес государеву службу вместе с ними. В ЕЛ подчеркнута и роль Ивана Грозного, его преемника Федора, ряда воевод и письменного головы Д. Чулкова в закреплении за «российским скипетродержавством» новых «землиц», что в условиях, когда взаимоотношения местных властей и «войска» были далеко не идилли-

ческими, показалось, как думается, «слогателью» «Повести ...» вполне оправданным. Наконец, описание перипетий «взятия» «Сибирского царства» заметно обогащало здешнюю книжную традицию, духовную культуру вообще, а на одном из ранних этапов русской колонизации обширного края это обстоятельство тобольским «первосвятителям», видимо, представлялось немаловажным.

1. Иловайский Д. Царская Русь. М., 2002. С. 687. Нуждается в оговорках и утверждение, будто официальное сибирское летописание велось с 1620-х гг. (Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 119).
2. Ромодановская Е. К. Нектарин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 375; Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века (далее - ЛП). Новосибирск, 2001. С. 388.
3. Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К. /Предисловие // Полное собрание русских летописей (далее - ПСРЛ). М., 1987. Т. 36. С. 3, 6; ЛП. С. 361, 363.
4. Новосадский И. В. Возникновение печатной книги в России в XVI в. // Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935. С. 46; ПСРЛ. Т. 36. С. 72. Ср.: С. Г89, 314, 368.
5. Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960. С. 108, 109, 112, 120.
6. Ромодановская Е. К. Избр. труды: Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 100 - 101; Она же. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 14. Примеч. 5.
7. Лихачев Д. С. Введение к чтению памятников древнерусской литературы. М., 2004. С. 64 - 69, 84.
8. См.: Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI - начале XVIII века. М., 1972. С. 48 - 53; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Стлб. 1042, 1073, 1121 - 1122; СПб., 1852. Т. 2. Стлб. 466, 989; Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1. С. 27, 98, 279, 341; Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. М., 1969. Т. 1. С. 65, и др.
- По наблюдениям А. В. Лаврентьева, в государевом титуле Сибирь с 1599 г. именуется царством и перемещается на одно из первых мест (хотя, заметим, не всегда третье, как утверждает исследователь). В конце «самодержавства» Бориса Годунова для московских венценосцев была изготовлена в Империи и «шапка сибирская». См.: Лаврентьев А. В. Царевич - царь - цесарь: ЛжеДмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604 - 1606 гг. СПб., 2001. С. 184 - 187. Ср.: С. 14, 21, 22, 64 - 65.
9. Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI - начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 16.
10. ПСРЛ. Т. 36. С. 57-58.
- И. Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 20; Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. 1. С. 485 - 486. Ср.: С. 461; Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири ... С. 111; Он же. Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970. С. 24; Сергеев В. И. Сибирские летописи // Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т.
11. Стлб. 823. В другом списке РЛ «уставление» «поминовения вселенского» Ермака

«на Москве» при Нектарии явно ошибочно приурочено к 1600/01 г. (Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 353. Примеч.).

Сурина М.В.
(Нижний Тагил)

Материалы всесоюзных переписей населения как источник по изучению этнодемографических процессов на Урале

Этнодемографическое развитие Уральского региона – одна из актуальнейших тем современных региональных исследований. В качестве основного источника исследователи привлекают материалы переписей населения, позволяющие проследить целый комплекс этнических процессов в динамике. Можно выделить целый ряд преимуществ данного источника. Во-первых, это всеобщность охвата населения, т.е. учет каждого жителя без исключения. Однако определенная погрешность все же существует, поскольку население на момент переписи продолжает находиться в постоянном движении. Во-вторых, перепись проводится по единой программе и единым правилам на всей территории, охватываемой переписью. Это облегчает сопоставление итогов переписи между областями и республиками внутри рассматриваемого региона, а также данные по региону с общероссийскими данными. Единая программа позволяет сопоставить итоги нескольких переписей и выявить динамику того или иного процесса. В-третьих, сведения берутся непосредственно у населения. Это позволяет максимально точно определить этнический состав населения, опираясь не на документ, где указана этническая принадлежность, а на реальное этническое самоопределение человека.

Для изучения изменений в этническом составе населения и этнокультурного развития большую ценность представляют статистические таблицы «Распределение населения по национальности и родному языку», «Распределение населения по национальности и второму языку», «Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР», «Распределение всего и занятого населения отдельных национальностей по возрасту и уровню образования», входящие в состав переписных форм фактически всех переписей XX века. Эти статистические данные позволяют проследить взаимосвязь этнодемографических процессов с состоянием этнокультурного развития населения, с уровнем знания национальных языков.

В частности, таблица «Распределение населения по национальности и родному языку» содержит статистическую информацию об общей численности представителей различных этнических групп и численности из них людей, считающих свой национальный язык родным. Эти данные позволяют